

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук Апполонова Алексея Валентиновича на диссертацию Дьяченко Ольги Николаевны «Проблема личности в западноевропейской средневековой философии», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии в диссертационный совет 24.2.322.01 (Д 212.104.05), созданный на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Диссертационное исследование О. Н. Дьяченко посвящено теме, которая обладает несомненной актуальностью как в области историко-философских исследований, так и в более широкой перспективе, охватывающей неустаревающие, в некотором смысле вечные, проблемы, связанные с осмыслением понятий «личность», «индивидуальность», «свобода выбора» и др. Современные дискуссии, затрагивающие вопросы биоэтики, нейроэтики, «киборгизации», «новой этики», «культуры отмены», компатибилизма, роли религии в формировании человеческой идентичности, равно как и многие другие подобные темы, так или иначе связаны с рассмотрением и/или пересмотром представлений о личности человека.

В этом отношении следует отметить, что долгое время эпоха Средних веков представляла в основном исторический интерес: средневековый человек, его ментальные особенности, его миропонимание, сущностные основания его бытия были предметом исследования достаточно небольшого круга ученых. В настоящее время, однако, становится очевидно, что обращение к теме личности в текущих дискуссиях так или иначе отсылает к самым истокам, к эпохе, когда понятие «личность» впервые получило свое философское осмысление, то есть к западноевропейской средневековой философии, в контексте которой сформировалось проблемное поле, определяющее фундаментальные тренды в осмыслении ключевых для европейской философии проблем: смысла и границ человеческой свободы, веры и разума, добра и зла.

Хотя на Западе дискуссии, связанные с проблемой личности в средневековой философии и теологии, идут, как минимум, с 60-х гг. XX в., в отечественной научной литературе эта проблема не нашла должного освещения, и до настоящего времени существовали лишь отдельные (и не всегда успешные) попытки обращения к данной тематике. Диссертационное исследование О. Н. Дьяченко выгодно отличается в этом отношении, поскольку содержит комплексный историко-философский анализ проблемы личности в западноевропейской средневековой философии, предполагающий экспликацию тематического горизонта, в котором конституируется религиозно-философский смысл представлений о личности в Средние века. При этом фундаментальная задача автора заключается в том, чтобы показать, что в Средние века существовало более или менее четко оформленное представление о личности – и надо сказать, что эта задача автором довольно успешно решается.

Структура работы адекватна задачам исследования. Первая глава диссертационного исследования посвящена выявлению существенных особенностей средневековой трактовки человеческой природы, обоснованию метафизических смыслов в понимании личности как религиозно-философского феномена. Заслуживает одобрения стремление О. Н. Дьяченко охватить широкие хронологические рамки при анализе рассматриваемого вопроса внутри каждого параграфа – от ранней патристики до позднего Средневековья, включая западноевропейских мистиков. Благодаря этому воссоздается тот исторический контекст, в котором складывалось проблемное поле важнейших тем и смыслов, обусловивших формирование личности как религиозно-философского феномена.

Следует отметить, что автор вводит в научный оборот специфический понятийный аппарат, требующийся для создания адекватной теории личности в западноевропейской средневековой философии, в центре которой оказываются не теологические интерпретации, но целостный религиозно-философский феномен. Такой ракурс раскрытия темы и подходы, которые

использует автор в решении исследовательских задач, представляется оправданным, поскольку в настоящее время распространено (отчасти оправданное) мнение, согласно которому внимание к проблеме личности наблюдается преимущественно в среде теологов (Мефодий Зеньковский, С. А. Чурсин, И. Зизиулас, П. Неллас, Г. Мандзаридис, Х. Яннарас).

Во второй главе диссертационного исследования диссертант обращается к эксплицитному рассмотрению фундаментальных для средневековой философии тем, связанных с трактовкой времени, пространства, смысла человеческого существования в эсхатологической перспективе, выбора между добром и злом, свободой воли, исповедального начала, а также и их генезиса в историко-философском контексте. Здесь же диссертант представляет оригинальный авторский взгляд на истоки проблемы теодицеи в западноевропейской средневековой философии. Следует отметить, что данные темы являются ключевыми не только для рассматриваемой эпохи, но и для последующей европейской религиозно-философской мысли.

В третьей главе, которая специально посвящена важнейшей для христианской мысли Средних веков проблеме, а именно соотношению веры и разума, ставится и решается наиболее сложная во всем исследовании задача. Действительно, может показаться, что данная тема всесторонне и глубоко изучена и представлена в работах отечественных ученых. Однако автор раскрывает ее именно в контексте самоопределения личности, выделяя существенные особенности экзистенциального опыта средневекового человека, специфику его отношения к слову, речи, языку, как они бытовали в средневековой культуре, вне осмысления которой невозможно представить становление личностного самосознания европейского человека.

Наиболее интересной в диссертационном исследовании является его четвертая глава, содержание которой заключается в изложении оригинального авторского подхода, который можно назвать антиномическим подходом. В этой главе излагаются идеи, относящиеся к антиномическому

характеру средневековой трактовки личности, а также концептуализируется понятие духовности как онтологического принципа ее конституирования. О. Н. Дьяченко умело реализует возможности историко-философского подхода, предполагающего многогранность тематических экспликаций, что позволяет квалифицировать диссертационное исследование как научное достижение, обладающее значением для историко-философского знания.

Теоретические положения, представленные в работе О. Н. Дьяченко, дают представление о сущностных характеристиках личности человека и о фундаментальных принципах ее трактовки в эпоху Средневековья. Представляется обоснованным основной результат исследования, заключающийся в постулировании парадоксальности онтологии личности в западноевропейской средневековой философии.

Помимо этого, следует обратить внимание на логику диссертационного исследования. Ключевые философские понятия, выявленные автором, определяют специфику и многогранность исследовательской проблемы, что порождает вариативность аспектов и различия подходов к осмыслению личности в Средние века в греко-восточной и западной традициях. О. Н. Дьяченко старается уловить эту вариативность и изложить свою точку зрения последовательно и ясно, не упуская некоторых тонких и неоднозначных моментов в историко-философском анализе; хотя следует сказать, что решить такую задачу в рамках одного диссертационного исследования достаточно сложно.

Анализ содержания текста диссертационного исследования свидетельствует об обоснованности основных научных положений и выводов. Означенные положения и выводы логически непротиворечивы, получены посредством применения валидных научных методов, достаточным образом аргументированы и, в целом, не вызывают сомнений. Следует отметить, что автор хорошо изучил отечественную литературу по теме диссертации, и что ее результаты согласуются с результатами, полученными ранее отечественными исследователями.

Результаты диссертационного исследования О.Н. Дьяченко можно дополнить некоторыми пожеланиями, а также критическими замечаниями и соображениями:

Во-первых, вызывает определенное недоумение тот факт, что в списке литературы диссертации, посвященной латинскому (западноевропейскому) Средневековью, отсутствуют оригинальные тексты на латинском языке – если оригинальные тексты и упоминаются, то только в виде переводов или билингв. Этот факт, как представляется, можно объяснить тем, что рабочим языком для автора, судя по всему, является русский (392 единицы литературы на русском против 78 единиц литературы на иностранных языках). Однако необходимо признать то печальное обстоятельство, что отечественная школа медиевистики никогда не занимала ведущих позиций в мировой табели о рангах, и это тем более относится к отечественной традиции изучения западноевропейской средневековой философии. Таким образом, ориентация на русскоязычные исследования вкупе с (вероятно вынужденным) игнорированием массы оригинальных латиноязычных текстов сами по себе неизбежно обуславливают своего рода одномерность диссертационного исследования, которая не позволяет раскрыть заявленную тему сообразно различным точкам зрения и в полной мере. Дальнейшие замечания отчасти проиллюстрируют этот вывод.

Во-вторых, интерпретируя известное определение личности у Северина Боэция («личность есть индивидуальная субстанция разумной природы»), диссертант пишет: «...у Боэция можно найти понимание личности через отношение... при определении личности Боэций указывает на связь с природой, различия с природой... Личность как философское понятие у Боэция еще не формируется. Но он уже явно разделяет субстанцию и личность» (С. 36-37). Однако очевидно, что в приведенном определении Боэций 1) не употребляет никакой терминологии, связанной с «отношением»; 2) не указывает на «различия с природой»; 3) наконец, он вовсе не «явно разделяет субстанцию и личность», но, напротив, явно и недвусмысленно их

отождествляет. Кроме того, следует отметить, что диссертант не подкрепляет свою интерпретацию цитатами из текста Боэция или исследовательской литературы, а потому совершенно непонятно, каков ее источник.

С другой стороны, определение Боэция было для Средних веков нормативным; его воспроизводит, например, Фома Аквинский в «Сумме теологии» (*Summa th. I. q. 29. a. 1, ob. 1*) и затем поясняет так: «...in praedicta definitione personae ponitur substantia individua, inquantum significat singulare in genere substantiae, additur autem rationalis naturae, inquantum significat singulare in rationalibus substantiis» («...в вышеприведенное определение личности включается индивидуальная субстанция, насколько [“личность”] обозначает единичное в роде субстанции, и [к ней] добавляется разумная природа, насколько [“личность”] обозначает единичное в разумных субстанциях») (*ibid. in corp.*). Это пояснение Фомы, равно как и определение самого Боэция, ясно показывают, что для этих двух авторов ключевые понятия, относящиеся к понятию личности суть: «индивидуальная субстанция», «единичное в роде субстанции», «разумная природа», «единичное в разумных субстанциях». Однако диссертант не принимает во внимание фундаментальную важность этих ключевых понятий, что, как минимум, странно.

Весьма вероятно, что причиной этому является то, что диссертант, подходя к вопросу о личности в Средние века, ограничивает себя преимущественно горизонтом некоей дискуссии, имевшей место на страницах отечественного журнала «Одиссей» в 90-х гг. (С. 9, 32-33), и даже утверждает, что «...до настоящего времени не предпринималось специальных исследований, посвященных проблеме личности в западноевропейской средневековой философии. Следовательно, специализированных работ по данной теме нет» (С. 9).

Тем не менее, надлежит отметить, что на Западе дискуссии о понимании личности в Средние века велись, начиная, как минимум с 60-х гг., и продолжают до сих пор. Более того, имели место даже специальные дискуссии, связанные с трактовкой личности в рамках приведенного выше

определения Боэция и его рецепции у более поздних мыслителей (среди наиболее важных статей можно назвать: Seidl H. The Concept of Person in St. Thomas Aquinas: A Contribution to Recent Discussion // *The Thomist: A Speculative Quarterly Review*. Vol. 51. Num. 3. 1987. P. 435-460; Simpson P. The Definition of Person: Boethius Revisited // *The New Scholasticism*. Vol. 62. Issue 2. 1988. P. 210-220; Wald B. "Rationalis naturae individua substantia" Aristoteles, Boethius und der Begriff der Person im Mittelalter // *Miscellanea Mediaevalia*. Vol. 24. 1996. P. 371-388; Koterski J. W. Boethius and the Theological Origins of the Concept of Person // *American Catholic Philosophical Quarterly*. Vol. 78 (2). 2004. P. 203-224; Kiesel D. Concept of person and personal identity: On the connection of Boethius' *Contra Eutychen et Nestorium* with the *Consolatio Philosophiae* // *Theologie und Philosophie*. Vol. 89. 2014. S. 215-249). Следует отметить, что в этих работах излагаются трактовки понятия личности у Боэция, альтернативные той интерпретации, которая предлагается диссертантом.

Кроме того, разумеется, вопреки суждению диссертанта, имеются и специальные работы по теме «личность в Средние века», например, монографии Коринны Шлапколь (Schlapkohl C. «*Persona est naturae rationalis individua substantia*»: Boethius und die Debatte über den Personbegriff. Marburg: Elwert, 1999) и Стивена Хиппа (Hipp S. A. «Person» in Christian tradition and in the conception of Saint Albert the Great. Münster: Aschendorff Verlag, 2001). Кроме них можно отметить важный исторический обзор, представленный в монографии Джона Риста (Rist J. M. *What is a Person?: Realities, Constructs, Illusions*. Cambridge: Cambridge University Press. 2019).

То, что О. Н. Дьяченко не учитывает эти работы, а также игнорирует представленные в этих работах трактовки понимания личности у Боэция, серьезно обедняет диссертационное исследование.

Кроме того, хотелось бы заметить, что упоминаемый диссертантом на стр. 9 «австралийский философ Э. Корет» на самом деле не австралиец, а австриец.

В-третьих, следует отметить следующий момент. В первом положении, вынесенном на защиту, сказано, в том числе: «Ключевое значение для осмысления проблемы человеческой личности в Средние века имеют понятия “*essentia*” и “*existentia*”, экспликация которых происходит не только в онтологическом, но и в антропологическом контексте. “*Essentia*” есть Божественный замысел, получающий выражение в реализации личностного начала, “*existentia*” – способ экспликации личностного измерения бытия, а значит, реализации замысла Бога о человеке» (С. 19).

Это положение расшифровывается в разделе 1.2, озаглавленном «Сущность и существование – ключевые концепты понимания человеческой природы в Средние века» (С. 61). Однако уже первые абзацы этого раздела ставят под сомнение валидность присутствующего в заголовке словосочетания «ключевой концепт». Диссертант пишет: «Возникает закономерный вопрос: а можем ли мы говорить о сущности и существовании как ключевых концептах понимания человеческой природы в Средние века, то есть в их антропологическом измерении, особенно, если принять во внимание тот факт, что сами представители патристики, например, крайне редко используют понятия *essentia* и *existentia*?» (С. 62).

Этот вопрос не лишен смысла. Действительно, названные понятия – в качестве неких коррелятов, связанных с определенным проблемным полем – использовались в Средние века довольно редко, а у Отцов Церкви, возможно, не использовались вовсе (поскольку, весьма вероятно, тематика, связанная с «*essentia* / *existentia*» приходит в европейскую мысль только благодаря Авиценне, восточному перипатетизму и новым переводам Аристотеля).

Из текста раздела это обстоятельство становится вполне очевидным. На стр. 63-67 диссертант последовательно упоминает и цитирует таких разных авторов, как Иоанн Скот Эриугена, Иоанн Кассиан Римлянин, Григорий Двоеслов, Бонавентура, Ансельм Кентерберийский – и обнаруживает в их текстах только некую «сущность». При этом не вполне очевидно, о какой «сущности» и в каком контексте идет речь: поскольку диссертант использует

переводы, а не оригинальные тексты, то в случае, например, Григория Двоеслова (С. 63) «сущностью» оказывается «substantia» (в русском переводе «всюду присутствует Своей беспредельной сущностью»; в оригинале: «incircumsriptam substantiam nusquam deest» (Gregorius I papa. Libri XXXV Moraliū. II, 12, 21; PL 75, 566). Разумеется, перевод слова «substantia» на русский язык как «сущность» возможен; однако в латыни «substantia» не тождественна «essentia» (у Фомы Аквинского, например, можно насчитать до 10 только основных значений термина «substantia»; см. Thomas-Lexicon¹), и потому произвольная, без серьезных на то оснований, замена одного на другое в рамках пары «essentia / existentia» недопустима.

Другим показательным случаем является «вчитывание» диссертантом пары «essentia / existentia» в текст трактата Боэция Дакийского «О высшем благе». О. Н. Дьяченко пишет: «Поэтому высшее благо уже дано человеку в его “essentia”. Следовательно, непротиворечие в земном бытии между понятием “essentia” и “existentia” вполне допустимо и возможно в том случае, если человек хочет благо “которое Бог может дать человеку в этой жизни”» (С. 72-73). Однако в этом трактате ничего не говорится об «essentia» человека, а слова «existentia» в нем вообще нет.

Разумеется, автор вправе создать свою собственную концептуальную теоретическую схему, включающую собственные – отвлеченные от конкретной латинской терминологии – трактовки «сущности» и «существования», а затем применять эту схему к оригинальным текстам. Однако в этом случае необходимо 1) представить ясные и четкие определения терминов «сущность» и «существование», а также собственно саму концептуальную теоретическую схему; и 2) отказаться от использования латинских терминов, если уж они не встречаются (или почти не встречаются) в оригинальных текстах. Эти требования, к сожалению, автором диссертации не соблюдены. Вследствие этого ключевые определения («“Essentia” есть Божественный замысел, получающий

¹ <https://www.corpusthomicum.org/tls.html#substantia>

выражение в реализации личностного начала, “*existentia*” – способ экспликации личностного измерения бытия, а значит, реализации замысла Бога о человеке») не получают текстуальной поддержки со стороны первоисточников, и остается только догадываться, какова была аргументационная стратегия автора при написании раздела 1.2.

В-четвертых, как представляется, сама по себе тема «*essentia / existentia*» не получает в диссертации достаточного освещения, хотя и заявляется как ключевая для понимания основной темы работы. Насколько можно судить, основным источником для автора является некое сочинение М. Хайдеггера. Однако, с одной стороны, компетентность Хайдеггера как историка чего бы то ни было и, в частности, как историка средневековой философии, крайне сомнительна. Современные фундаментальные работы, посвященные Средневековью, такие, например, как «*The Cambridge Companion to Medieval Philosophy*» (ed. by A. S. McGrade. Cambridge: Cambridge University Press, 2003) или «*A Companion to Philosophy in the Middle Ages*» (ed. by Jorge J. E. Gracia and T. B. Noone. Malden, MA, Oxford, Melbourne, Berlin: Blackwell Publishing Ltd, 2002), обходятся без ссылок на творчество Хайдеггера – хотя тема «*essentia / existentia*» в этих трудах, разумеется, затронута (*The Cambridge Companion...* p. 154-162; *A Companion...* p. 273-275).

С другой стороны, как и в приведенном выше примере с трактовкой личности у Боэция (и, вероятно, по тем же самым причинам), диссертант игнорирует значительной массив литературы, в которой представлены альтернативные интерпретации исследуемой темы. Как уже отмечалось ранее, общепринятая точка зрения на проблему «*essentia / existentia*» заключается в том, что сама эта проблема ставится в ходе освоения западноевропейскими мыслителями арабоязычной философии (особенно Авиценны) и *Corpus Aristotelicum*, то есть в конце XII – середине XIII вв., но никак не ранее. Так, например, А. Брук пишет: «различие между сущностью и существованием в “*De Ente et Essentia*” [Фомы Аквинского] встроено в анализ, интерпретацию и

объяснение аристотелевской метафизики и, в частности, ее первичных проблем и концепций, т. е. вопроса о первых принципах и причинах, а также о значении “ousia” как фокальной точки при ответе на вопрос о смысле сущего: “De Ente et Essentia” Фомы можно с полным правом читать как работу, функционирующую в общем контексте “Метафизики” Аристотеля» (Brook A. The Aristotelian Context of the Existence-Essence Distinction in De Ente Et Essentia // *Metaphysica*. Vol. 20 (2). 2019. P. 170-171).

Разумеется, диссертант вправе иметь свою точку зрения на то, как следует трактовать проблему «essentia / existentia»; однако при наличии общепринятого (плюс-минус) взгляда на данную проблему, этот взгляд необходимо учитывать – хотя бы для того, чтобы, полемизируя с ним, отстаивать свою оригинальную позицию. Простое его игнорирование явно не способствует как валидности аргументации, так и общей полноте диссертационного исследования.

Высказанные замечания и пожелания не снижают общей оценки диссертационного исследования О. Н. Дьяченко, а представляют собой, скорее, рекомендации для дополнения и продолжения предложенного в диссертации проекта.

Автореферат и основные научные публикации соответствуют положениям и основным выводам, сформулированным в основном тексте исследования. Основные идеи диссертации в достаточной степени отражены в публикациях автора в рецензируемых изданиях, в том числе и журналах, входящих в международные реферативные базы данных и систем научного цитирования Scopus и Web of Science. Материалы исследования получили апробацию в разнообразных образовательных программах и курсах и могут быть использованы для разработки самостоятельных пособий по направлениям подготовки «Философия», «Теология».

Все это позволяет сделать вывод о том, что диссертация «Проблема личности в западноевропейской средневековой философии» соответствует профилю Совета, отвечает основным требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14

Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842², а её автор, Дьяченко Ольга Николаевна, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент
доктор философских наук
(09.00.14 – философия религии и религиоведение),
доцент кафедры философии религии и религиоведения
философского факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

Апполонов
Алексей
Валентинович

18 марта 2022 года

Подпись доцента А.В. Апполонова заверяю:

И.о. декана философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

А.П.Козырев

Контактные данные автора отзыва:
телефон: +7 (495) 939-27-94
e-mail: relig@philos.msu.ru, alexeyapp@yandex.ru
сайт подразделения: <https://philos.msu.ru/kaf/relig>

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
философский факультет
119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский».
Тел.: + 7 (495) 939-19-25
e-mail: info@philos.msu.ru

С перечнем публикаций официального оппонента Апполонова Алексея Валентиновича можно ознакомиться на следующих Интернет-ресурсах:

- <https://istina.msu.ru/profile/alexeyapp/>
- https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=261631.

² в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335, от 02.08.2016 № 748, от 29.05.2017 № 650, от 28.08.2017 № 1024, от 01.10.2018 № 1168, от 20.03.2021 № 426, от 11.09.2021 № 1539, с изм., внесенными Решением Верховного Суда РФ от 21.04.2014 № АКПИ14 115, Постановлением Правительства РФ от 26.05.2020 № 751.